

Н. Кукольник – П. Валуге

С особым отвращением принимаюсь за перо. Мне чрезвычайно тягостно на кого бы то ни было жаловаться, но терпению есть мера, и приношу жалобу Вашему Превосходительству на нестерпимый произвол и самоуправство Таганрогского градоначальника контр-адмирала Лаврова.

Валуев Петр Александрович (1814-1890), граф, государственный деятель эпохи Александра М. Б 1858-1861 годах был директором двух Департаментов Министерства государственных имуществ. В 1861-1868 годах – министр внутренних дел. В 1872-1879 годах – министр государственных имуществ. С 1879 года Председатель Комитета министров.

Пытался занимать среднюю линию между либеральными демократами и консерваторами. Это можно подтвердить примерами. Так, 11 мая 1861 года великий князь Константин Николаевич записывает в «Дневнике»: «читали казанскую речь Щапова, его записку и письмо Государю. Валуев его спас тем, что взял его к себе». Напомним, что Щапов Афанасий Прокофьевич (1831-1876), историк, публицист. Стал известен благодаря своей речи после панихиды по убиенным в с. Бездна крестьянам.

Второй пример относится к работе над проектами реформы 1861 года, когда члены Редакционной комиссии М. Н. Муравьев и В. А. Долгоруков предложили свой проект решения по земельному вопросу. Сущность этого проекта заключалась в максимальном сохранении дворянской земельной собственности, в выделении крестьянам минимальных наделов по усмотрению дворянства каждой губернии («нормальные наделы»). П. Валуев помог авторам оформить и изложить эту позицию, которая при голосовании была отклонена.

Занимался литературной деятельностью. Его «Дневники» опубликованы. «Дневник 1847-1860» см. «Русская старина», 1891, №№ 1-11; «Дневник 1861-1876», т. 1-2, М., 1961; «Дневник 1877-1884», Петроград, 1919.

Продолжительная болезнь заставила меня оставить службу, литературу и неблагоприятный климат Санкт-Петербурга. Переселиться за границу совсем – было как-то совестно. Я избрал климат г. Таганрога и четыре года тому назад переехал туда на житье. Жена моя купила дом в городе, я – за заставой, но в го-родской черте дом с небольшим участком земли, принадлежащие 2-й полицейской части Таганрога. Сначала я пользовался особенным вниманием г. Лаврова, но когда разные поступки его обнаружили побуждения, которых ни правила мои, ни совесть не могли одобрить, то естественно я старался отойти от Лаврова как можно подальше.

В начале прошедшего года при выборе членов в комитет по устройству городских сообщений в Таганроге общество дворян, купцов и мещан совместно удостоило меня почти единогласна, избрать, и г. Градоначальник утвердил меня в этом звании. По совести я не мог уклоняться от этого комитета, потому что намеревался жить в Таганроге. Я не мог оставаться равнодушным зрителем произвольной растраты городского достояния, и в новоутвержденном комитете, видя значительный источник городского дохода, усматривал возможность, если дальнейшей пользы для города на первый год извлечь и не удастся, то, по крайней мере, сохранить доход этот в целости. Соображения мои оказались совершенно верными. Правда, не дали вымостить и переулка, но в утешение нам осталось, по крайней мере, то, что ни одна копейка из сбора мимо городской казны! не проскользнула. Но при таком направлении действий комитета, с самого его открытия до конца года, мы должны были испытывать беспрестанные неприятности, доходившие до ругательных на наш счет официальных отзывов. Законы, права наши, все было ниспровержено, можно сказать, ежедневно. Мы искали защиты у генерал-губернатора – напрасно. Презирая достойное презрение, мы не отступали ни от закона, ни от совести.

Заметим, однако, что превратными рассказами, нескончаемыми собраниями, письменными адресами стали стремиться поколебать доверие к нам граждан; я решился изложить в журнальной статье с некоторыми подробностями весь ход дела и представить наши действия на суд граждан и публики, не без именно, но за мою подпись, приводя только наши факты, которые основаны на официальных документах. Цензура нашла статью неудобной к напечатанию. Я принужден был лично беспокоить Ваше высочество, и Вам угодно было на содержание этой статьи обратить внимание генерал-губернатора. Но до этого уже, одновременно с пребыванием моим в СПб, в Одессе, уже не знаю почему, вдруг дали движение представленной нами записке, и, в исходе февраля нынешнего года, т. е. спустя 6 месяцев, когда уже и состав комитета изменился, получено предписание генерал-губернатора, которым все наши распоряжения были оправданы. За что же меня в награду наших добросовестных трудов в течение почти года подвергли даже оскорбительным неприятностям?

Во время моего пребывания в Санкт-Петербурге назначены были в Таганроге новые выборы в члены комитета. Общество в полном составе опять, почти единогласно, избрало меня в члены, но, к общему удивлению и личному оскорблению, Лавров не утвердил меня на том основании, что не я, а жена моя имеет дом в Таганроге, и приказал произвести выборы вновь, и уже не в полном составе, а по сословиям.

Из числа дворян-домовладельцев, которых здесь более 100, избрано только 20, которые удостоены приглашения полиции по своему выбору. Дворянские выборы были произведены под председательством купеческого головы! Несмотря на все это, Лавров признал эти выборы законными и утвердил членов!

Возвратясь в Таганрог, я счел долгом чести обратить на такие действия Лаврова внимание исправляющего должность генерал-губернатора, объяснив, что, во-первых, я мог быть избран в члены комитета как муж домовладелицы..., во-вторых, что я сам домовладелец, ибо мой дом находится в городской черте, в-третьих, я уже был избран и утвержден в том же самом звании. Это значит, <что> тогда или теперь было сделано противозаконно.

На эту просьбу я не получил вообще ответа. На мое частное письмо тоже не ответили. Видя, что бывший здесь полковник Завидовский, командированный из Одессы в Таганрог для дознания, якобы многочисленных злоупотреблений, о которых, как рассказывают, разными путями доведено до сведения Высшего Правительства, – не обратил ни малейшего внимания на оскорбительные для меня распоряжения Лаврова, тогда как ему в особенности поручено было войти в рассмотрение действий градоначальника по нашему комитету. Но со мной даже не встретился, из чего я сделал вывод, что в Одессе мне нечего искать справедливости.

Между тем благодетельные распоряжения Вашего правительства в начале мая обрадовало Таганрог возможностью и надеждою на более соответственное переустройство городского положения. Всем было известно, что сведения и соображения по данной Министерством программе должны быть представлены к октябрю, а таковых по Таганрогу немало, и собрать и обсудить их нелегко; но прошел май, прошел июнь, а комитет к общему удивлению и досаде не открывался. Наконец, в начале текущего июля назначены выборы опять по сословиям. Вместо предводителя дворянства градоначальник поручил провести выборы председателя Коммерческого суда, даже не спросив дворян: угодно ли им своим предводителем иметь г. Алфераки. Полиция по выбору пригласила только 14 человек. Собравшиеся просили оповестить других, отложить выборы на 10 июля. Собралось 44 избирательных голоса. Дворяне без соблюдения формы приступили к выборам и в самом начале обратились ко мне с просьбой принять участие в занятиях комитета. Я предъявил свои избирательные права, т. е. полномочия жены, вводный лист на свой собственный дом, но тут же просил уволить меня, ибо не желаю подвергаться новым оскорблениям со стороны Градоначальства. Дворяне в присутствии исполняющего должность прокурора нашли права мои неоспоримыми и настоятельно потребовали моего согласия. Я уступил

неохотно, потому что четырехлетним опытом убедился, что закон для Лаврова не имеет значения. Из 44 я получил 39 шаров. Но Лавров и этот раз устранил меня от столь важного общественного дела, заявляя, что я не домовладелец и собственности в Таганроге не имею, Значит, я лишен права таганрогского гражданина, с чем ни я, ни сограждане не согласны. Защитите, оградите от такого грустного и вредного произвола.

Упрямое невнимание к общественному мнению и покровительство, какое до ныне оказывалось Лаврову, заставило молчать многих, потому что жалобы оставляют без последствий, а из мести и злобы каждому, самому мирному гражданину, местный градоначальник может сделать зло и хлопоты. Поверьте мне, хотя многое кажется невероятно.

Удостойте поручить лицу, Вам лично известному, которое без сомнения будет чуждо корысти и пристрастия, вникнуть на месте с нами <в> безвыходное положение, без чего нельзя ожидать, чтобы состояние <...> какие-либо комитет по этому важному делу; из всей семьи русских городов один Таганрог по капризам Лаврова не воспользуется дарованным правом представить Министерству свои истинные средства и потребности.

Ваш покорный слуга Н. Кукольник.
Таганрог. 17 июля 1862 года.

Письмо не публиковалось. Получено от исследователя В. Абрамова (Петербург) в виде машинописной копии. На письме имеется резолюция с обращением к «Павлу Евстратьевичу». Почерк трудночитаемый и неразборчив.